

ПРОИЗВОДСТВО ЧЕЛОВЕКА

Заповеди семи мудрецов и китайская педагогика

Культура — второй генезис человека.

И.Г. Гердер,

немецкий философ

К огорчению носителей прославленных фамилий, способности человека по наследству не передаются. В этом заключается существенное отличие нашего вида от других животных. «Поскольку, — писал И.Г. Гердер, — специфическая черта человека состоит как раз в том, что мы рождаемся почти лишенные даже инстинктов и только благодаря продолжающемуся целую жизнь упражнению становимся людьми... то вместе с тем и история человечества необходимо становится целым, цепью, не прерывающейся нигде, цепью человеческой общности и традиции воспитания человеческого рода».

Воспитание, образование и есть не что иное, как производство человека, в ходе которого биологические предпосылки: устройство мозга, анатомическое строение, генетическая структура, характер нервных процессов вида *Homo Sapiens* — преобразуются в условия его существования в качестве человека.

За сорок тысяч лет человечество изобрело множество технологий производства способностей, умений и навыков — от архаичных жестов «делай, как я!», побуждающих индивида к автоматическому подражанию, до сложнейших социокультурных практик, позволяющих добиваться полноценного личностного развития слепоглухонемых детей. В том, что касается формирования способностей человека, возможности культуры почти безграничны.

Тем не менее «производство человека» не является ни универсальным, ни самодостаточным. Оно всегда вписано в конкретные условия существования того или иного общества и готовит индивида к жизни в нем, причем к жизни в определенном качестве. «*Quod licet Jovi, non licet bovi*» (Что дозволено Юпитеру, то не дозволено быку), — гласит римская пословица. «Воспитания вообще», как и «человека вообще», не бывает. Люди различаются между собой не врожденными свойствами, якобы предопределяющими их место и значение в обществе, а по преимуществу полученным воспитанием и образованием. Институт образования всегда воспроизводит и закрепляет социальную структуру общества.

Ярким свидетельством тому служит китайская педагогика.

ДЕТИ РАСТУТ САМИ...

При выполнении дел в Поднебесной
нельзя обойтись без подражания образцу.

Мо-цзы,
древнекитайский философ
и политический деятель

Несмотря на государственную политику ограничения рождаемости, дети и в наши дни остаются в Китае, особенно в провинции и деревне, главной семейной ценностью. Чем больше детей — тем богаче семья. «Но ведь воспитывать детей — огромный труд!» — замечает журналистка франко-немецкого телеканала Арте, автор документального фильма о демографических проблемах в Поднебесной. Реплика адресована китайке средних лет, матери то ли десяти, то ли двенадцати детей. На экране — ее изможденное лицо крупным планом. «А зачем их воспитывать? — с улыбкой отвечает женщина. — Дети растут сами...»

Ответ китайки звучит парадоксально. Во всяком случае для европейских интеллектуалов, составляющих целевую аудиторию канала Арте. Ведь Китай — родина одной из самых древних и изощренных педагогических технологий. Технология эта, а точнее — целая система воспитания, господствовала в стране вплоть до последнего времени и получила закрепление в трех национальных учениях — конфуцианстве, даосизме и чань-буддизме, при бесспорном приоритете учения Конфуция (V в. до н.э.), канонизированного во время царствования ранней династии Хань (202 г. до н.э. — 25 г. н.э.) и фактически подменившего собой государственную религию.

Еще в середине XX в. главный конфуцианский трактат «Ли цзы» оставался настольной книгой каждого образованного китайца. А этот трактат представляет собой не что иное, как подробный перечень скрупулезно описанных норм поведения (правил ли) во всех сферах жизни, своеобразный поведенческий катехизис, знание которого открывало человеку двери в публичную жизнь.

Вряд ли героиня документального фильма Арте, равно как и миллионы ее соотечественников, читала трактат «Ли цзы», адресованный тем, кого в Китае называли цзюнь-цзы (благородными мужами): членам аристократических кланов, государственным чиновникам, составлявшим мизерный процент населения. Тем не менее в «роде» и ее детей реализовались принципы, изложенные Конфуцием, по крайней мере важнейшие из них. Ведь эти принципы оставались ориентиром воспитания для всех слоев китайского общества в течение тысячелетий. Только стремительное капиталистическое развитие страны в конце прошлого века подорвало педагогическую монополию конфуцианства, да и то лишь в мегаполисах.

В СООТВЕТСТВИИ С НОРМОЙ

Цзы-гун сказал:

— То, что я не хочу, чтобы делали мне,
я не хочу делать другим.

Учитель сказал:

— Сы! Этого добиться невозможно!
Конфуций

Жизнеспособность и действенность конфуцианской педагогики обусловлены ее стержневой идеей — принципом дао. Дао — это путь, точнее — порядок. Конфуцианцы считали этот порядок универсальным законом мироздания, но его истинный и точный смысл раскрывает один из самых известных афоризмов Конфуция: «Государь должен быть государем, подданный — подданным, отец — отцом, сын — сыном». Все должны выполнять свое предназначение и обязанности. Государь должен управлять государством, отец — семьей, остальные должны подчиняться. Этот порядок и есть дао — основа бытия каждой вещи и всей Вселенной. Быть причастным дао — значит знать свое место в социальной иерархии и соответствовать ему. По существу, принцип китайской педагогики воспроизводит главную заповедь семи мудрецов, начертанную некогда над входом в дельфийский храм: «Gnothi seauton» (Знай себя! Знай свое место!) — вот что это значило в античности.

Следование дао, согласно Конфуцию, делает человека человеком. «Естественный» человек одержим страстями, вожделениями, эгоистическими интересами. От животного он отличается лишь внешним видом. Такому человеку конфуцианцы противопоставляли человека общественного, совершенным воплощением которого считался «благородный муж» — цзюнь-цзы. Цзюнь-цзы — это человек, который благодаря многолетнему воспитанию и самодисциплине утверждает своим поведением принцип жэнь — добродетель души.

Жэнь переводится как гуманность, взаимность, человеческое добросердечие. По-китайски это слово пишется как комбинация иероглифов, обозначающих понятия «человек» и «два». В связи с этим европейские комментаторы обычно трактуют этот принцип как китайскую формулу «золотого правила морали»: «Поступай по отношению к другому так, как ты хотел бы, чтобы поступали по отношению к тебе». Кант назвал это правило категорическим императивом нравственности — требованием разума, которое известно каждому человеку непосредственно, независимо от происхождения, воспитания, образования. При этом Кант исходил из идеи равенства людей. Все люди обладают разумом от природы, и он — стоит лишь прислушаться к его голосу — подскажет каждому, как должно вести себя в той или иной ситуации. Нравственность требует не специального обучения, а свободы воли, побуждающей человека всегда относиться к другому как к цели, а не как к средству, то есть как к себе самому.

Конфуцианский принцип взаимности (жэнь) понимался и применялся совершенно иначе. Прежде всего, идея равенства людей китайцам была неведома. «Государь должен быть государем, подданный — подданным, отец — отцом, сын — сыном». Какое уж тут равенство! Относиться к другому человеку нужно было соответственно его социальному статусу, а вовсе не «как к себе самому». Кроме того, это отношение (точнее — вся совокупность социальных отношений) никоим образом не являлось

предметом свободы воли индивида. То, как следует относиться к другому в зависимости от его социального статуса, ситуации и обстоятельств, было зафиксировано в правилах ли. Эти правила были жесткими и однозначными и не допускали никакого «творчества». Дао как раз и рассматривалось в конфуцианстве как идеальное сочетание принципа жэнь и правил ли. Следовать дао означало знать свое место в социальной иерархии и вести себя с любым другим человеком в соответствии с подходящей для этого случая нормой.

КУДА ВЕТЕР ДУЕТ?

На стороне служить князю и сановникам,
а дома — своему отцу
и старшим братьям...
Конфуций

Письменно в Китае были зафиксированы лишь те нормы поведения, которые обосновывали и закрепляли стабильность государства. Государство же рассматривалось как большая семья. К чиновникам следовало относиться так же, как к родителям. Поэтому принципы воспитания детей и этика взаимоотношений с чиновниками совпадали. То, что нормы поведения фиксировались письменно, вовсе не означало, что их можно было освоить теоретически, скажем в школе. Ни в коей мере. Конфуцианский текст неотделим от ритуала и вне ритуала не является самостоятельной формой хранения и передачи социального опыта. Ритуал же осваивался подражательно. Поэтому на чиновников возлагалась огромная ответственность — они должны были служить образцом поведения. Им, как старшим, подражал народ. «Мораль благородного мужа подобна ветру; мораль низкого человека подобна траве. Трава наклоняется туда, куда ветер дует», — учил Конфуций.

Вообще принцип семейственности лежал в основе китайской государственной системы. Князь (ван) был главой, отцом семейства. Его братья и двоюродные братья, их сыновья, племянники и пр. были членами правящей фамилии и как таковые имели право на владение уделом как частью собственности семьи. Они отчитывались перед правителем за управление уделом. Они также должны были собирать людей и вести их на войну по первому требованию вана. Этот порядок получил закрепление и в императорском Китае (империя была основана Циньской династией в 222 г. до н.э.). Империя по-китайски обозначается словосочетанием тянь ся — под небесами. Слово же «император» в китайском языке напрочь лишено милитаристской нагрузки. Император — это не военачальник вроде Александра Македонского или Наполеона, а хуан-ди — августейший предок. «Властитель мира» по-китайски — это скорее мудрый отец. Империя — «Поднебесная» — означала одну семью, просто очень большую, разросшуюся до такой степени, чтобы объять все человечество. А во главе стоял отец — августейший предок.

Принадлежность к клану, счет родства всецело определяли судьбу человека не только в аристократической среде, но и в простонародной. Уровень доходов, социальный статус, отношение к собственности, род занятий, возраст вступления в брак и брачные партнеры, круг повседневных обязанностей — все эти параметры жизни задавались семьей. При этом любая семья — от крестьянской до княжеской — строилась по принципу патриархальной геронтократии: власть принадлежала мужчинам и распределялась по старшинству. Старейший представитель рода обладал абсолютной властью. Отец был хозяином, главой, приказывал сыновьям выполнять ту или иную работу по своему желанию. Он мог выбирать им профессию, жен, определять, какое им дать образование, решать — наказывать детей или нет. В древности за неповиновение он мог даже убить их.

Жизнеспособность китайской государственной системы, благополучно пережившей смены династий и иноземные завоевания, обусловлена прежде всего тем, что базировалась она на устоях традиционной семьи. Именно эти устои составляют костяк учения Конфуция, часто повторявшего, что он не изобрел ничего нового, а лишь напомнил истины предков. Конфуцианская педагогика потому и вошла в жизнь китайцев столь прочно, что выражала основные принципы этой жизни, воспитывала в соответствии с ними каждое новое поколение и таким образом способствовала воспроизводству и

стабильности государства. Она словно бы цементировала традиционное китайское общество и государство.

РИТУАЛ – ОСНОВА ПОРЯДКА

— Ну вот у вас, на Земле,
как вы определяете,
кто перед кем сколько раз
должен присесть?

— Ну... это на глаз.

— Дикари!

Из кинофильма «Кин-дза-дза»

Главный конфуцианский трактат «Ли цзы» содержит 3300 единиц правил ли. Благородному мужу полагалось все их знать и выполнять. Правила эти регламентировали практически все сферы жизни, причем императивно и однозначно. Прежде всего, четко определялись ранговые различия между людьми. Каждому месту в социальной иерархии соответствовал круг прав, обязанностей и привилегий. Например, император имел право на 7 алтарей в своем храме предков, князя — на 5, сановники — на 3, рядовые чиновники — на 1. Подобным образом различались величина жилища, размер и номенклатура жертв, богатство и орнамент одежд, количество и качество блюд в меню, длительность траура и размеры гроба и пр. Даже выражение чувств в «Ли-цзы» соразмерно социальному статусу человека. В случае смерти князя подданным надлежит выражать крайнюю степень скорби — рыдать и подпрыгивать 7 дней, в случае смерти сановника — 5, обычного чиновника — 3. Это при том, что в случае смерти матери сын не обязан соблюдать траур, если она разведена, поскольку, как разъясняется в 3-й главе трактата, умершая не являлась женой, а стало быть, и матерью.

С не меньшей тщательностью в «Ли цзы» регламентируются семейные отношения. Здесь ритуальные нормы также закрепляют прежде всего иерархические различия. Важнейшая из этих норм сяо — принцип сыновней почтительности. В соответствии с нею отец является абсолютным хозяином и господином в доме и любой его приказ для детей обязателен к исполнению. Предложит, например, съесть что-нибудь, что не по вкусу, дети должны есть, скажет носить одежду, которая не по нраву, — должны носить. Если сыну нравится его жена, а родителям нет — он обязан с ней развестись. Если наоборот — почитать ее. Если сын в силу служебного долга живет отдельно от родителей (что не поощрялось), он должен часто навещать их. В идеале дважды в день — утром и вечером. Невестка находится в полной власти свекрови. Она должна во всех случаях спрашивать ее разрешения. Даже преподнесенные ей подарки она обязана предложить родителям мужа. Если они возьмут их, ей следует выразить удовлетворение. Если откажутся — воспринять это как второй подарок. Детальнейшим образом определяются повседневные обязанности детей по отношению к родителям: как отправлять их утренний и вечерний туалет, чем и как кормить, сколько раз купать, о чем можно с ними говорить, а о чем нет и т.д.

До времени правления династии Тан (618–906 гг.) знание всего комплекса правил ли было привилегией юношей из аристократических семей. Простолюдины осваивали основы социальных взаимоотношений, так же как и производственные технологии, в семьях, подчиняясь старшим и подражая им. В VII в. возникла система получения государственных должностей после сдачи экзаменов, известная у нас как мандаринат. Это открывало доступ к управлению представителям всех сословий. Все зависело от образованности претендента, от знания конфуцианского кодекса чести.

Именно в это время конфуцианская педагогика окончательно утвердилась в качестве важнейшего института воспроизводства китайского государства. Ничего удивительного: «Нет ли — значит, нет различий между государем и подданными, верхами и низами, старыми и молодыми; нет ли — и нет разницы между связанными между собой родственными и брачными узами мужем и женой, отцом и сыном, старшим и младшим братом», — учил Конфуций.

Елена РОМЕК,
доктор философских наук,
г. Ростов-на-Дону